

великой азиатской державой. Япония еще долгие годы была обессилена борьбой в гораздо большей степени, чем Россия. Японии не помогли даже беспорядки в России, которые, естественно по неподтвержденным данным в японской прессе, были профинансированы японским правительством и с помощью англичан [2, с. 339].

Император Николай II успел закончить войну так, что Россия осталась в Азии великой державой, несмотря на потерю Манчжурии и базы в Порт-Артуре.

Список использованной литературы и источников

1. Керов В. В. История России с древнейших времен до конца XX века [Электронный ресурс] / В. В. Керов. — URL : <http://uristinfo.net/istorija-rf/72-istorija-rossii-s-drevnih-vremen-do-kontsa-hh-veka/1440-tema-47-vneshnjaja-politika-rossii-v-kontse-xix-v-1905-g.html>.
2. Ольденбург С. С. Царствие Императора Николая II, том I / С.С. Ольденбург. — Н. Новгород : Черная Сотня; Вертикаль, 2013. — 448 с.
3. Поляков А. Дальний и Порт-Артур: несостоявшийся русский Гонгконг [Электронный ресурс] / А. Поляков. — URL : <http://sputnikipogrom.com/history/16206/russian-hong-kong/>.
4. Российская империя в начале XX века [Электронный ресурс] // Правь. Ру. — 2011. — URL : http://правь.рф/istorija-rossii-xx-vek/2-nachalo_xx_veka.html.
5. Сунь Чжинцин. Русская публицистика о проблемах внешней политики России в отношении Китая: конец XIX — начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чжинцин Сунь. — М., 2004 г. — 17 с.

Информация об авторе

Бородин Сергей Николаевич — аспирант, кафедры истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: vandire@yandex.ru.

Author

Borodin Sergey Nikolaevich — PhD student, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: vandire@yandex.ru.

УДК 94.(47)

ББК 63.3(2)5

А.В. ЕГОРОВ

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА СИБИРИ ГЛАЗАМИ А.П. ЧЕХОВА И В.Г. КОРОЛЕНКО

В статье рассказывается о тяжелой жизни ссыльных, сибирском бездорожье и социальном бесправии сибиряков.

Ключевые слова: народонаселение Сибири, А.П. Чехов, В.Г. Короленко.

CULTURAL AND SOCIAL ENVIRONMENT OF SIBERIA EYES A.P. CHEKHOV AND C.G. KOROLENKO

The article tells about the hard life of the exiles, Siberian roads and social injustice Siberians.

Keywords: The population of Siberia, A. P. Chekhov, C. G. Korolenko.

Сибирь — зеркало России. Одна страна, одни социально-нравственные обычаи и традиции, одни требования к жизнедеятельности — но как по-разному эти факторы проявляются в повседневной жизни сибиряков, мы находим в жизни и рассказах А.П. Чехова и В.Г. Короленко из Сибири.

В сложных условиях и противоречиях Сибирской социальной жизни писатели обнаруживают общерусские проблемы. А.П. Чехов увидел в Сибири не только местные особенности Сибирских городов, нужды жителей, но и то, что роднит их со всем народом России. Путешествие начинается с дороги. «Ямщики еще не выехали со двора, но уж говорят: “Ну, дорога, не дай господи!” Едем сначала по деревне... Жидкая грязь, в которой тонут колеса, чередуется с сухими кочками и ухабами; из гатей и мостков, утонувших в жидком навозе, ребрами выступают бревна, езда по которым у людей выворачивает души, а у экипажей ломает оси...» [5, с. 25]. Тысячи положений принимает коляска, вы же в это время хватаете себя то за голову, то за бока, кланяетесь во все стороны и прикусываете себе язык, а ваши чемоданы и ящики бунтуют и громоздятся друг на друга и на вас самих. А посмотрите на ямщика: как этот акробат умудряется сидеть на козлах? [5, с. 25]. Сибирское бездорожье и распутница, брань ямщиков, паромщиков и самоуправство чиновников дополняется беспокройными ночевками от безудержных клопов и тараканов: «Здесь клопы и тараканы не ползают, а ходят; путешественники не едут, а бегут. Спрашивают: Куда ваше благородие бежишь?» Это значит: “Куда едешь?” Нарочно горницу не топим. Когда холодно, они не ходят», — рассказывает Илья Иванович, один из жителей Сибири [5, с. 10].

Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, не свежо и скудно, и многого к чему привык европеец, не найдешь НИИ за какие деньги [5, с. 21–22]. Но зато нравы здесь чудесные, традиции хорошие. И в самом деле, по всему тракту не слышно, чтоб у проезжего что-нибудь украли. О грабежах на дороге здесь не принято даже говорить. [5, с. 13].

Чехов размышляет: «Да, англичанин эксплуатирует китайцев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?» [5, с. 391]. Он отмечает, что больше всех страдают от бездорожья, от неустроенности, бездумности работни-

ки почты. «Если бы нашелся добрый человек, который взял бы на себя труд проследить движение сибирской почты от Перми хотя бы до Иркутска и записал бы свои впечатления, то получалась бы повесть, которая могла бы вызвать у читателей слезы. Сибирские почтальоны — мученики. Крест у них тяжелый. Это герои, которых упорно не хочет признать отечество» [5, с. 24]. Знаете, сколько они получают жалованья, и видели ли вы в своей жизни хоть одного почтальона с медалью? [5, с. 25].

Как известно, в 1587 г. в Тюменской крепости сформировался казачий отряд во главе с Данилой Чулковым, который направился вниз по Тоболу для создания базы дальнейшего продвижения русских на северо-восток Сибири. Недалеко от Кашлыка, столицы Сибирского ханства, в устье Тобола казаки возвели новую русскую крепость, в районе, где несколько лет назад произошло решающее сражение между отрядом Ермака и войском хана Кучума. С этих мест и времен начинается история Тобольска и освоение русскими Сибири.

Народонаселение Сибири увеличивается не только естественным приростом, сколько приливом переселенцев добровольных и ссылаемых туда по распоряжению правительства [2, с. 358]. Однако переселение из центральных мест весьма незначительное, кроме того переселенцы находятся в столь жалком материальном положении, что на первых порах, слабые и сами во всем нуждающиеся, они едва ли способны помочь старожилам в их культурной борьбе с преступными элементами и массами, являющимися из России. Вот почему переселенческий вопрос, наравне с ссылкой порочных людей, является больным местом в жизни Тобольской губернии [2, с. 359].

Осваивают Сибирские просторы многие народы, отмечает А. Чехов. Он пишет о татарах. «Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губернии о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они «лучше русских», — так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием» [5, с. 354]. «Кстати уж и о поляках. Попадают ссыльные, присланные сюда из Польши в 1864 г. Хорошие гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях» [5, с. 354].

Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. Это добродушнейший народ. С Благовещенска начинаются японцы, или, вернее японки. Это маленькие брюнетки с большой мудреной прической, с красивым туловищем [5, с. 386]. «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми», — восклицает А. Чехов [5, с. 355].

Сибирь — это место ссыльных. Ссылка на поселение страшна своею пожизненностью. Пожизненная ссылка лишает осужденного права гражданства и надежда на лучшее не возможна. «Смертная казнь в Европе и у нас не отменена, — отмечает А.П. Чехов, — а только облегчена в другую, менее отвратительную для человеческого чувства форму» [5, с.20].

«Наша мыслящая интеллигенция повторяет фразу, что всякий преступник составляет продукт общества, но как она равнодушна к этому продукту! Причина такого индифферентизма к заключенным и томящимся в ссылке, кроется в чрезвычайной необразованности нашего русского юриста... Он сдает университетские экзамены только для того, чтобы уметь судить человека и приговаривать его к тюрьме и ссылке; поступив на службу и получая жалованье, он только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему не известно, неинтересно и он не входит в круг его компетенции; это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами» [5, с. 21].

В Сибирь сослали революционеров, чиновников, бухгалтеров за их антигосударственную деятельность, за подлоги, растраты, мошенничества и т.п. Здесь находились представители разных слоев общества: это и интеллигентные ссыльные, и бывшие офицеры, служащие, которые ведут замкнутую жизнь. «Исключения составляют, — подчеркивает Чехов, — только субъекты, обладающие темпераментом Ноздрева, они не сидят на месте, ведут в Сибири цыганскую кочевую жизнь и до такой степени подвижны, что почти неуловимы для наблюдающего глаза. Кроме Ноздревых, нередко встречаются среди интеллигентных «несчастных» людей глубоко испорченные, безнравственные, откровенно подлые. Громадное же большинство — живет скромно» [5, с. 21]. Интеллигентные люди занимаются торговлей, адвокатурой, пишут в местных газетах, поступают в писцы и т.п.

Если не считать плохих трактиров, семейных бань и многочисленных домов терпимости, явных и тайных, то в городах нет никаких развлечений. В длинные осенние и зимние вечера ссыльный сидит у себя дома или идет к старожилу пить водку. Пьет водку и местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, пьет грубо и глупо, не зная меры [5, с. 22]. А.П. Чехов анализируя, приходит к выводу, что не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных.

Благородную роль в социально-культурной обстановке Западной Сибири сыграла деятельность декабристов по развитию народного образования, которая развернулась по инициативе И.Д. Якушкина. Открытие декабристами при поддержке местной общественности первой женской школы в Тобольске, явилось знаменательным событием культурной жизни Западной Сибири. Декабристы стали основоположниками женского образования в Сибири [3, с. 99–100].

Чехов констатирует, что «мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски. Мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноват

ты не зрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это не интересно» [5, с. 398].

Чехов не заостряет внимания на проявлениях жестокости, садизма, крайностей произвола, но он видит, прежде всего, развращающее влияние социальной среды, заведенных порядков. Он подчеркивает, что каторжники за 50 шагов снимают шапку перед начальством, что нельзя не заметить тюрьму, прописанную гнилым запахом и переполненную людьми.

А.П. Чехов встречается с неким Петром Петровичем, который отзывается, что «человек-то ведь здесь стоящий, сердце у него мягкое, он не украдет, и не обидит, и не очень, чтоб пьяница. Золото, а не человек. Спросите его: для чего он живет? Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают!» [5, с. 18]. А.П. Чехов размышляя, говорит, что у людей: «Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное — надо быть справедливым, а остальной все приложится» [5, с. 392].

В.Г. Короленко, отбывая ссылку в Сибири — в Якутской области, был свидетелем человеческих трагедий или вопиющего проявления произвола чиновников. Он видит детали, слышит и омерзительную ругань, и каторжный гвалт, и наглый смех, и звон кандалов. В.Г. Короленко в поисках смысла жизни приходит к выводу, что единственная нравственная обязанность — это честно служить интересам народа, что служить ему надо так, как велит собственная совесть [2, с. 330]. «Хорош божий свет. Однако только не хорошо — мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем патриотизм» [5, с. 392].

Это общее представление об арестантском строе жизни в Сибири 90-х гг. XIX в., о необходимости борьбы с ним, о безнравственности примирения и пассивности. Чехов уверен, что ссылка и сахалинская каторга не выполняет своей главной воспитательной функции, что наступят времена и Сибирь станет совсем другой: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега» [5, с. 395]. «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливой землей» [5, с. 355].

Список использованной литературы и источников

1. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири: 1900–1928 / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. — Новосибирск : Наука, 1996. — 320 с.
2. Короленко В. Г. Сибирские очерки и рассказы / В. Г. Короленко. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 415 с.
3. Сибирь и декабристы. — Вып. 2. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. — 462 с.

4. Тобольск и вся Сибирь. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2007. — 312 с.
5. Чехов А. П. Русские писатели о Сибири / А. П. Чехов // Из Сибири / сост., предисл., примеч. В. К. Гайдука. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 416 с.

Информация об авторе

Егоров Александр Владимирович — кандидат философских наук, кафедра философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: egorov_sacha2015@mail.ru.

Author

Egorov Alexander Vladimirovich — PhD in Philosophical Sciences, Chair of Philosophy and Sociology, Irkutsk State Transport University, 15, Chernyshevsky Str., 664047, Irkutsk, e-mail: egorov_sacha2015@mail.ru.

УДК 378(47)
ББК 74.58(2)

Ю.А. ЗУЛЯР

ЧТО ЕСТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ РОССИИ: ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Анализируются история, этапы и модели высшего образования в России. Показана сложная ситуация с ним, возникшая из-за бездумной политики российских властей спровоцировавших в 1990-е гг. резкое увеличение количества вузов и их статус. Дана характеристика современного состояния российской высшей школы и ее студенчества. Показана политика и идеология Правительства России в отношении высшей школы в постсоветский и современный периоды.

Ключевые слова: высшая школа России, реформирование и модернизация высшего образования, Болонский процесс в России, студенчество.

YU.A. ZULYAR

WHAT IS HIGHER EDUCATION FOR RUSSIA: THAT IS THE QUESTION

Examines the history, stages and models of higher education in Russia. Demonstrates a complex situation with him, caused by the reckless policy of the Russian authorities provoked in the 1990s, a sharp increase in the number of universities and their status. The characteristic of the modern state of Russian higher school and its students. The politics and ideology of the Russian Government regarding higher education in post-Soviet and modern periods.

Keywords: higher school of Russia, the reform and upgrade of higher education, the Bologna process in Russia, the students.